

1. ВОЙНЫ И НАСИЛИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Введение

Большинство современных комментаторов упрекают классических социологов в том, что они игнорировали изучение войны и коллективного насилия (Shaw, 1984; Marsland, 1986: 8; Giddens, 1985; Scruton, 1987a, 1987b; Mann, 1988: 147; Joas, 2003). Эшворт и Дандекер утверждают, что, учитывая постоянное присутствие войн и насилия в истории человечества, «примечательно, что их изучение в значительной степени оставалось на периферии социологического анализа» (1987: 1). Наиболее распространенным объяснением причин такого пренебрежительного отношения является основополагающее влияние наследия эпохи Просвещения, под которое попали все ведущие социальные теоретики и которое концептуализировало современность в терминах универсальной рациональности, экономического роста, научного прогресса и мирного сосуществования (Tiryakian, 1999: 474–8; Joas, 2003). Вследствие этого войны и насилие не рассматривались как регулярные и структурно неотъемлемые черты социальной жизни, а воспринимались как иррациональные, атавистические проявления первобытной эпохи, которые должны исчезнуть с наступлением нового времени.

Несмотря на то, что в этих суждениях имеется доля здравого смысла, они представляются одновременно и слишком резкими, и слишком поспешными. Очевидное пренебрежение классических социологов к изучению войны и насилия связано не столько с самой классической социальной мыслью, сколько с развитием социальной и политической мысли после Второй мировой войны (WWII). Основная идея этой главы заключается в том, что носители классической социальной мысли по большому счету вовсе не проявляли невежества в отношении войны и на-

силія. Именно гегемония антимилитаристской социологической теории, распространившаяся во второй половине XX века, привела к отстранению социологии от исследования войны, а также к игнорированию богатой и многогранной «воинствующей» традиции путем переосмысления классики в строго «пацифистских» терминах¹.

На самом деле классическая социальная мысль была гораздо более представительной и значительно менее «пацифистской», чем «святая троица» — Маркс, Дюркгейм и Вебер, которые после Второй мировой войны утвердились в качестве главных, если не единственных, представителей социологического канона.

Во многих отношениях в конце XIX — начале XX века социология зародилась как область исследований, в которой доминировала именно «милитаристская» социальная мысль. К этой интеллектуальной традиции стоит вернуться, поскольку, если отбросить внешние атрибуты нормативной воинственности, в ней можно обнаружить множество социологически значимых концепций и идей, которые помогут нам разобраться в таких сугубо социологических явлениях, как война и насилие.

Данная глава состоит из трех частей: в первой из них рассматривается понимание войны и насилия Марксом, Дюркгеймом и Вебером; во второй части анализируются ключевые идеи «воинствующего» направления классической социальной мысли; в заключительной части дается общая оценка современной актуальности данного направления — тема, которая получает свое развитие во второй главе.

«Святая троица» и организованное насилие

Хотя во второй половине XX века Маркс, Дюркгейм и Вебер прочно утвердились в качестве бесспорных «отцов-основателей»

---

¹ Использование кавычек для таких терминов, как «пацифистский», «милитаристский» и «воинствующий», указывает на то, что эти термины используются здесь в чисто описательном, а не в нормативном смысле. — *Примеч. авт.*

социологии, такой исход вовсе не представлялся неизбежным. На самом деле, когда социология делала свои первые институциональные шаги в конце XIX — начале XX века, влияние этих трех авторов было не более, а в некоторых случаях и гораздо менее значительным, чем влияние Габриэля Тарда, Фердинанда Тённиса, Вернера Зомбарта, Лестера Уорда, Леопольда фон Визе, Эрнеста Трёлча и Людвига Гумпловича, а также многих других. Хотя имена и Маркса, и Вебера были узнаваемыми, никто из них не считался социологом, а авторитет Дюркгейма не мог сравниться с влиянием Огюста Конта, чьи идеи захватывали умы государственных деятелей от Турции до Бразилии, или Герберта Спенсера, книги которого являлись абсолютными бестселлерами в Великобритании и Соединенных Штатах (Risjord, 2005: 56)¹. Возникновение «святой троицы» как канона классической социальной мысли во многом связано с актуальностью их концепций и теорий для понимания направлений, в которых развивалась современность во второй половине XX века. Трудно, если не невозможно, оспаривать оригинальность, утонченность, сложность и применимость их идей и моделей. Как справедливо отмечает Музелис (Mouzelis, 1995: 245–6), Маркс, Вебер и Дюркгейм не были навязаны социологическому сообществу по указке, но были приняты на основании того, что их концептуальные модели, теории и аналитические основы почти повсеместно считались превосходящими достижения других авторов в плане их «когнитивного потенциала, аналитической остроты, силы синтеза, творческого охвата и оригинальности». Однако их очевидные заслуги — лишь часть всей истории, поскольку последовавшее превознесение «святой троицы» имело и социологическую причину — наследие двух мировых войн.

Отвращение к войне и насилию со стороны широкой общественности, сложившееся после Второй мировой войны, разде-

---

¹ Как отмечает Рисьерд (Risjord, 2005: 56), «среди бестселлеров XIX века “Социальная статика” Герберта Спенсера (Spencer, *Social Statics*, 1851) уступала только Библии и “Хижине дяди Тома” Гарриет Бичер-Стоу». — *Примеч. авт.*

ляли многие социологи, и это способствовало переориентации основных исследовательских интересов социологов с тех, что доминировали в период *fin de siecle*¹. Так, вместо «расовой борьбы», «группового отбора через насилие», национализма, полигении, культурных и биологических различий и войн социологи озаботились социальной стратификацией, гендерным неравенством, благосостоянием, рационализацией, секуляризацией, урбанизацией и нормативными системами. Модели эволюции и прогрессивизма, которые были в ходу в 1950, 1960 и 1970-х годах, отдавали явное предпочтение «пацифистской» социологии, что привело к очищению классической социальной мысли от ее милитаристского наследия. Отчасти потому, что связанные с войной нацистские преступления интерпретировались как прямой результат идей и теорий, возникших в среде «воинствующих» интеллектуалов на рубеже веков, классическая социология была в значительной степени «очищена» от этого наследия. Соответственно, основной акцент социологи стали делать на «пацифистских» темах, таких как статусные и классовые различия, образование, индустриализация, преступность, бюрократия и трансформация культурных и религиозных ценностей. Данная тенденция повысила значимость классиков социологической теории, таких как Маркс, Дюркгейм и Вебер, поскольку именно они внесли значительный вклад в эти области. В то же время классические социологи-теоретики, чьи исследовательские интересы лежали в других областях, оказались в тени. Спустя несколько десятилетий «святая троица» оказалась институционализована и канонизирована во вводных учебниках по социологии и в университетских аудиториях по всему миру.

Тем не менее более пристальный взгляд на конец XIX и начало XX века дает совершенно иную картину социальной мысли того времени. Темы и авторы, которые доминировали тогда в общественном и политическом мышлении, сегодня, как правило, не ассоциируются с социологией. Людвиг Гумплович, Франц

---

¹ Конец века (фр.). — Примеч. ред.

Оппенгеймер, Густав Ратценхофер, Александер Рюстов, Лестер Уорд, Албион Смолл, Уильям Макдугалл и Франко Саворньян — имена, которые редко встречаются в современных учебниках по этой дисциплине. Аналогично для таких понятий, как «борьба за жизнь», «*Kriegsbegeisterung* (военный энтузиазм)», «инстинкт драчливости», «суперстратификация», «сингенизм» и «*Erobererstaat* (государство-завоеватель)», не находится места в лексиконе современной социологии. Тем не менее именно эти авторы, равно как и их, и им подобные концепции, были популярны в тот период, когда социология делала свои первые институциональные шаги. Иными словами, период, охватывающий конец XIX — начало XX века, характеризовался приматом милитаристских идей в общественном мышлении.

Однако, прежде чем приступить к изучению столь плодотворной и разнообразной «воинствующей» традиции социологических исследований, необходимо рассмотреть в этом историческом контексте теории Маркса, Дюркгейма и Вебера. Несмотря на то, что главные теоретические интересы этих авторов находились в другой области, они не могли избежать воздействия духа своего времени и были вынуждены заниматься, среди прочего, вопросами насилия. Кроме того, создавая универсальные социологические теории общественных изменений, они должны были размышлять, пусть и спорадически, о роли войн и коллективного насилия в своем времени.

Дюркгейм: пацифизм, война и солидарность

Будучи прямым наследником традиций эпохи Просвещения и ее сильного акцента на неизбежности человеческого прогресса, Эмиль Дюркгейм являлся «главным пацифистом» среди «отцов-основателей», как в аналитическом, так и в нормативном смысле. Его внимание было сосредоточено на коллективных механизмах, создающих и репродуцирующих солидарность. Согласно Дюркгейму, общественное развитие происходит в сложных солидарных сетях взаимной зависимости, построенных на

нормативной конгруэнтности. Его представление кардинально противоречило досовременным формам солидарности, основанным на простом сходстве. Однако в обеих исторических эпохах, как в премодерне, так и в современности, человек рассматривается преимущественно как существо, руководствующееся нормами. Согласно эволюционному функционализму Дюркгейма, человеческая социальность в целом стремится к согласию: социальная жизнь по большей части консенсусна, а социальные конфликты являются скорее исключением, чем правилом. Таким образом, переход в современность характеризуется тем, что одна форма консенсуса (механическая солидарность) трансформируется в другую, в значительной степени ее превосходящую (органическая солидарность).

В этом контексте не находится места коллективному насилию. Таким образом, Дюркгейм интерпретировал войну как аберрацию, исторический реликт, которому суждено исчезнуть. По его словам, «война представляет собой некую аномалию, и со временем последние следы этого пережитка будут стерты» (Durkheim, 1986: 43), или, опять же, «войны в течение этого времени, за некоторыми исключениями... становились все более прерывистыми и менее распространенными» (Durkheim, 1992: 53). Стойко придерживаясь эволюционного подхода, он утверждал, что индустриальное и технологическое развитие одновременно требует мирного сосуществования и способствует ему (Durkheim, 1959: 130), а также что насилие принадлежит аграрному досовременному миру и ему нет места в современном общественном порядке. Все это указывает на то, что Дюркгейму нечего сказать о войне и насилие; тем не менее он сделал два ценных социологических вывода, которые напрямую вытекают из его теории солидарности. Во-первых, в своем исследовании о самоубийстве Дюркгейм (Durkheim, 1952: 208) успешно проверил предположение о том, что войны и количество самоубийств находятся в обратной зависимости, утверждая, что, за исключением альтруистических самопожертвований, начало войны в каждом случае приводит к значительному снижению количества самоубийств,

поскольку войны, особенно национальные, укрепляют социальную и моральную интеграцию общества. Как поясняет Дюркгейм (Durkheim, 1952: 208), «масштабные народные войны пробуждают коллективные чувства, стимулируют партизанский дух и патриотизм... концентрируют активность на одной цели... вызывают более сильную интеграцию общества... Поскольку они заставляют людей сомкнуть ряды и противостоять общей опасности, человек меньше думает о себе и больше — об общем деле». По мере того, как войны усиливают политическую и моральную интеграцию, они оказывают непосредственное влияние на снижение уровня эгоистических и аномических самоубийств, причем как со стороны победителей, так и со стороны побежденных.

Во-вторых, начало Первой мировой войны (WW1¹) с ее беспрецедентной жестокостью стало для Дюркгейма шоком, и он должен был объяснить этот исторический сбой. Используя свою теорию солидарности, Дюркгейм утверждал, что Великая война² была временным, патологическим состоянием, масштабной аномической ситуацией, которая привела к возрождению механической солидарности (Durkheim, 1915; Durkheim и Denis, 1915). Источником этой патологии он считал «немецкий военный менталитет», который рассматривал (Durkheim, 1915: 45) как аномалию, разрушающую органическое, эволюционное развитие человеческой цивилизации: «Государство не может сохранить себя, когда против него выступает человечество». Хотя в качестве центральной линии в его работах о Первой мировой войне выступала критика немецкой милитаристской «гипертрофии воли», на самом деле он приводил аргументы в противовес милитаристскому *zeitgeistu*³, который доминировал в то время в европейской социальной и политической мысли. Номинальной

¹ Английский журнал TIME впервые использовал сокращение World War I (Первая мировая война) в статье от 12 июня 1939 года. — *Примеч. ред.*

² Во Франции и Великобритании Первую мировую войну называли Великой войной (англ. The Great War, фр. La Grande guerre). — *Примеч. ред.*

³ Дух времени (нем.). — *Примеч. ред.*

мишенью для критики Дюркгейма был Генрих фон Трейчке, интеллектуальный представитель немецкого милитаристского менталитета, который описывал государственную власть как неограниченную, всемогущую и выходящую за рамки социальных норм. Однако на самом деле объект критики Дюркгейма был гораздо более масштабным: она охватывала все реалистические традиции социальной и политической мысли, приверженцы которых — от Макиавелли до Трейчке и далее — пытались отделить государство от общества и его морального мира. В соответствии с их представлениями, по словам Дюркгейма (Durkheim, 1915: 18), «государство не находится под юрисдикцией моральных принципов и не должно признавать никаких законов, кроме действующих в его собственных интересах». В противовес этой точке зрения Дюркгейм утверждал, что государство — это моральный авторитет *par excellence*¹, который одновременно коренится в моральной автономии личности, является продуктом этой автономии и ее защитником: «Именно государство вычленяет индивида из общества... Основная обязанность государства — ...настойчиво призывать личность к нравственному образу жизни» (Durkheim, 1992: 69). Следовательно, его пацифизм не является находящимся в свободном плавании идеалом, а глубоко укоренен в теории солидарности.

С точки зрения Дюркгейма, пацифизм связан с конкретной организационной формой — национальным отечеством (*patrie*), и любая попытка остановить войну, ссылаясь на простой интернационализм, обречена на провал, поскольку «мы не можем жить вне организованного общества, а высшим из всех существующих организованных обществ является *patrie*», в то время как «интернационализм очень часто представляет собой чистое и незамысловатое неприятие любого организованного общества» (Durkheim, 1973: 101–3). Другими словами, чтобы понять и, следовательно, предотвратить войну, необходимо понять механизмы институционализированной солидарности, которые никогда

---

¹ Высшей степени (*фр.*). — *Примеч. ред.*

не могут быть уничтожены, а лишь трансформируются таким образом, чтобы «национальное *patrie*» охватило «европейское *patrie*» или даже «общечеловеческое *patrie*». Таким образом, война для Дюркгейма неизбежно связана с групповой солидарностью, и чтобы найти объяснение войнам и масштабному насилию, необходимо прежде разобраться с механизмами человеческой солидарности.

Маркс: капитализм и революционное насилие

Если для Дюркгейма конфликт и насилие являлись относительно второстепенными объектами исследовательских интересов, то отношение Маркса и Вебера к этим темам, несомненно, было иным. Помимо того, что эти исследователи, как принято считать, являлись родоначальниками теории конфликта в социологии (Collins, 1985), они также находились под влиянием западной реалистической политической мысли, которая уделяла серьезное внимание принуждению и подчеркивала материальность прямого человеческого действия. Хотя ядро теории социальных изменений Маркса прочно закреплено в социально-экономических основах современности, он прекрасно осознавал и историческое значение насилия в преобразовании социальных порядков. Поскольку основным объектом его внимания являлась оптика классового конфликта, а также то, что он рассматривал как неизбежный упадок капитализма, Маркс придавал большое значение революционному изменению существующих «общественных формаций», что неизбежно вызывало его интерес к механике коллективного насилия.

Маркс и тем более Энгельс хорошо разбирались в военной истории, высоко ценили теорию войны Клаузевица (Semmel, 1981: 66) и явно придерживались милитаристского дискурса коллективной борьбы и революционного насилия как необходимых составляющих классовой борьбы. Однако, поскольку классовая борьба была связана с трансформацией способов производства и форм собственности, основной акцент ими делался не

столько на устранении буржуазии, как это происходит с врагами в реальной войне, сколько на присвоении и перераспределении ее собственности. Движущим мотивом выступало не истребление, а экспроприация экспроприаторов. Поэтому язык насилия использовался этими авторами либо в метафорическом смысле — например, «классовая борьба» или «низкие цены как тяжелая артиллерия буржуазии» (Marx и Engels, 1998: 41–2), либо в контексте чрезвычайных процессов, ускоряющих неизбежное наступление мирного коммунистического порядка. Несмотря на обилие милитаристской риторики в работах Маркса и Энгельса, насилие ассоциировалось у них прежде всего с короткой заключительной стадией революционного переворота: «Когда классовая борьба приближается к своему решающему часу, процесс распада, происходящий внутри господствующего класса... принимает такой насильственный, вопиющий характер» (Marx и Engels, 1998: 45). И даже в этой ситуации применение силы определялось и оправдывалось в оборонительных терминах как реакция на принудительный по своей сути характер капиталистического государства и жестокость буржуазии. По утверждению Мерло-Понти (Merleau-Ponty, 1969), марксистское понимание революционного насилия было концептуализировано (и легитимизировано) исходя из предпосылки, что его применение будет способствовать устранению любого насилия в долгосрочной перспективе и, в частности, доминирующей при капитализме формы насилия — классовой эксплуатации.

Тем не менее Маркс и Энгельс делают два социологически значимых замечания по поводу отношений между войной, насилием и современным государством. Во-первых, в процессе, который был схож с опытом Дюркгейма, связанным с Первой мировой войной, понимание Марксом войны и насилия изменилось в ходе и по завершении недолговечного эксперимента Парижской коммуны (1871). Размышляя в своей работе «Гражданская война во Франции» (Marx, *Civil War in France*, 1871) о провале этой попытки создания «рабочего государства», Маркс утверждает, что насилие является неотъемлемой частью современности

и, более конкретно, капиталистической современности. Он подчеркивает роль аппарата насилия современного государства как решающего фактора в преобразовании любого общественного строя. Жестокость, с которой была подавлена Парижская коммуна, ясно показала Марксу, что, по его словам, «рабочий класс не может просто взять в руки готовый государственный аппарат и использовать его в своих целях» (Marx, 1988: 54). Вместо этого переход власти от буржуазии к пролетариату потребует разрушения существующих государственных структур и последующего их воссоздания на революционных принципах.

Иными словами, Маркс обнаружил неразрывную связь между экономическими, политическими и идеологическими основами социальных порядков в современности. Если в ранних работах Маркса насилие в значительной степени эфемерно, то с этого момента оно выходит на первый план, поскольку Маркс трактует государство прежде всего как аппарат насилия на службе капитализма. В этом контексте капитализм не может быть ликвидирован без устранения его принудительной структурной основы — государственного аппарата. Дрейк (Drake, 2003: 27) лаконично резюмирует аргумент Маркса: «Насилие со стороны государства требует насильственного ответа со стороны пролетариата при условии, что тем самым вершится революционное дело». В «Гражданской войне во Франции», новом предисловии к «Коммунистическому манифесту» (Communist Manifesto, 1872), «Критике готской программы» (Critique of the Gotha Programme, 1875) и других работах того периода Маркс подчеркивает важность насильственного революционного захвата государственной власти. Он прослеживает историческое развитие централизованной государственной структуры от раннего абсолютизма до буржуазного общества, где она выступала сначала «могучим оружием в борьбе с феодализмом», а затем постепенно превратилась в инструмент господства капитала над трудом, в силу, «организованную для социального порабощения, или в двигатель классового деспотизма» (Marx, 1988 [1871]: 55).